

Сознание, бессознательное и индивидуация

Отношение между сознанием и бессознательным, с одной стороны, и сознанием и процессом индивидуации — с другой, проблемы, которые, так сказать, закономерно появляются при продолжительном течении аналитического лечения. Под "аналитическим" я понимаю тот методический прием, посредством которого происходит разбирательство с наличным бессознательным. Что до суггестивного опыта, то в нем эта проблематика не встает. Относительно же индивидуации несколько поясняющих слов, вероятно, были бы здесь вовсе не лишними.

Я использую выражение "индивидуация" в следующем смысле: это есть процесс, порождающий психологического "индивида", т. е. обособленное, нечленимое единство¹, некую целостность. Имеется расхожее предположение, будто сознание эквивалентно этой целостности психологического индивида. Однако сумма того опыта, который можно объяснить лишь при помощи гипотезы о бессознательных психических процессах, позволяет усомниться, что Я и его содержания на самом деле идентичны с "целостностью". Если бессознательные процессы вообще существуют, то они определенно принадлежат к тотальности индивида; ведь не являются же они составными частями сознательного Я. Если бы они были частью Я, то они должны были бы быть сознательными, так как все, что находится в непосредственной близости к Я, является сознательным. Сознание даже можно приравнять к отношению между Я и психическими содержаниями. Так называемые бессознательные феномены имеют столь незначительное отношение к Я, что часто, без каких-либо колебаний, оспаривают даже их существование. Несмотря на это, они обнаруживают себя в пределах человеческого поведения. Внимательный наблюдатель без труда сможет их увидеть, в то время как наблюдающий за самим собой не осознает того, что он разоблачает либо самые свои сокровенные помыслы, либо даже те вещи, о которых никогда сознательно не думал. И все же можно допустить предубеждение: нечто, о чем никогда не помышлялось, происходит не внутри психики. У нас имеется множество доказательств, что сознание еще слишком далеко отстоит от того, чтобы охватить цельность психики. Многие происходят наполовину сознательно, но столь же многое протекает даже полностью бессознательно. К примеру, обстоятельное исследование феноменов двойной и множественной личности дало обширный материал в подтверждение этих наблюдений. (Сошлюсь на работы Пьера Жане, Теодора Флурнау, Мортон Пренса и других.)

¹Современная физика (de Broglie) использует для этого понятие дисконтинуальности.

Во всяком случае на медицинскую психологию оказала глубокое впечатление важность подобных феноменов, которые служат побудительной причиной всяческих психических и физиологических симптомов. При этих обстоятельствах гипотеза о Я, которое выражает психическую тотальность, превратилась в абсолютно несостоятельную. Вопреки этому, стало очевидным, что цельность, скорее всего, должна включать — по необходимости — как незримую область бессознательного события, так и сознание; стало ясным также, что Я может быть только центром сознания.

Спрашивается, имеет ли бессознательное в своем распоряжении тоже какой-то центр? Я едва ли осмелюсь допустить, что в бессознательном господствует принцип, аналогичный принципу, господствующему в Я. Фактически все свидетельствует об обратном. Но даже если бы какой-то подобный центр и имелся в наличии, то едва ли мы были бы вправе ожидать каких-то закономерных признаков его существования. Случаи двойной личности были бы тогда частным событием, а не чем-то редким и диковинным. Форма проявления бессознательных феноменов, в большинстве своем, является крайне хаотичной и несистематичной. Сновидения, к примеру, не обнаруживают ни явного порядка, ни какой-то

иной систематической тенденции, что, вероятно, должно было бы иметь место, если бы в их основе лежало личное сознание. Философы Карл Густав Карус и Эдуард фон Гартман обращались с бессознательным как с метафизическим принципом, как с чем-то вроде универсального духа, без каких-либо признаков и намеков на личность или Я-сознание; "воля" Шопенгауэра также лишена Я. И современные психологи рассматривают бессознательное словно функцию (лишенную Я) под порогом сознания. Но в противоположность философам они склонны эту подпороговую функцию выводить из сознания. Жане рассуждает об известной слабости сознания, которое оказывается неспособным удерживать все без исключения психические процессы. Фрейд, в свою очередь, отдает предпочтение идее, будто существуют сознательные факторы, которые подавляют определенные тенденции. Многие говорят в пользу обеих теорий, потому что существует множество случаев, когда на самом деле слабость сознания является причиной исчезновения содержаний или когда неприемлемые содержания вытесняются. Ясно как день и не требуется никаких подтверждений: такие тщательные наблюдатели, как Фрейд и Жане, никогда не сформулировали бы свои теории (в которых бессознательное выводится главным образом из сознательных истоков), если бы в проявлениях бессознательного они не обнаружили следы некой независимой личности или какой-то автономной воли.

Если это верно и если бессознательное состоит не из чего иного, кроме как из таких содержаний, которые случайно лишились осознанности, и если бессознательное к тому же ни в чем прочем не отличается от сознательного материала, тогда, вероятнее всего, можно более или менее идентифицировать Я с целостностью психики. Ситуация, однако, не столь проста. Обе теории покоятся главным образом на опыте неврозов. Никто из обоих авторов не располагает специальным психиатрическим опытом. Если бы они таковым обладали, то на них, конечно же, произвел бы большое впечатление тот факт, что бессознательное демонстрирует содержания, которые полностью отличны от содержаний сознания, такие содержания, которые на самом деле являются столь чужеродными, что никто не в состоянии их понять, — ни сам пациент, ни его врач. Больного как бы заглатывает поток мыслей, которые ему — как и любому нормальному человеку — чужды. Поэтому мы и называем его "двинутым": мы не можем понять его идеи. Ведь мы понимаем только лишь тогда, когда мы обладаем для этого необходимыми предпосылками. Здесь, однако, предпосылки столь же отрешены от нашего сознания, и точно так же отодвинуты, как они были когда-то отрешены и от пациента, прежде чем он стал сумасшедшим. Если бы это было не так, он бы никогда не стал духовно больным.

На самом деле существует совершенно неведомая нам область, из которой, вероятно, можно вывести известные болезненные представления. Речь никоим образом здесь не идет о более или менее нормальных содержаниях, у которых осознанность отнята квазислучайно. Напротив того, изначально речь здесь идет о продуктах чужеродной природы. В этом отношении они отличаются от невротического материала, о котором никак нельзя сказать, что он сплошь чужероден. Материал невроза человечески понятен, а психоза — нет¹.

¹Само собой разумеется, что под этим я имею в виду лишь определенные случаи шизофрении, как, к примеру, известный случай Шребера (*Denk-würdigkeiten eines Nervenkranken*) или случай, который опубликовал Nelken (*Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen*).

Поэтому этот психотический материал никак нельзя вывести из сознания, ведь в последнем не наличествуют никакие предпосылки, с помощью которых можно было бы объяснить чужеродность этих представлений. Невротические содержания можно без существенного ущерба интегрировать в Я, психотические же идеи, напротив, нельзя. Они остаются неприступными и, размножаясь, постепенно закабаляют Я-сознание. У них прямо-таки вопиющая тенденция: втянуть Я в свою "систему".

Случаи, подобные этим, доказывают, что бессознательное при известных обстоятельствах способно перенимать роль Я. Итогом такого обмена становятся бред и путаница, ибо бессознательное является не второй личностью с организованными и

централизованными функциями, а чем-то вроде децентрализованной суммы психических процессов. Разумеется, ничто, порожденное человеческим духом, никогда не бывает абсолютно вне психической области. Даже самые вздорные и "безумные" идеи обязательно соответствуют чему-то, имеющемуся в наличии в психике. Нельзя предположить, что в одних головах содержатся элементы, которые вообще никогда не приходят в голову другим. Мы также не вправе предполагать, будто бессознательное обладает способностью быть автономным только у определенных людей, а именно у тех, кто предрасположен к духовным болезням. Намного вероятнее, что тенденция к автономии есть более или менее всеобщее своеобразие бессознательного. Духовные нарушения в некотором смысле являют собой лишь примечательный пример этой скрытой, но все же встречающейся повсеместно данности. Тенденция к автономии выдает себя, прежде всего в состояниях аффекта — даже у нормальных людей. В состоянии сильного аффекта делается или говорится нечто, превосходящее обыденную меру. И нужно для этого совсем немного: часто бывает достаточно любви и ненависти, радости и печали, чтобы наступила подмена Я бессознательным. Если наступает нечто подобное, то идеи — весьма чужеродные — могут одолеть человека, совершенно здорового в другое время. Группы, сообщества и даже целые народы могут быть охвачены чем-то, по форме напоминающим духовную эпидемию.

Автономия бессознательного начинается тогда, когда возникают эмоции. Эмоции суть инстинктивные, произвольные реакции, нарушающие рациональный порядок сознания и совершающие элементарные прорывы. Аффекты не "делаются" волей, — они случаются. Вовсе нередко в аффекте выступает черта характера, чуждая даже непосредственному участнику, или же произвольно прорываются сокровенные содержания. Чем сильнее аффект, тем больше он приближается к чему-то болезненному, т. е. к тому состоянию, в котором автономные и прежде (зачастую) неосознаваемые содержания потесняют и отодвигают в сторону Я-сознание. Покуда бессознательное пребывает в просоночном состоянии, кажется, что в этой скрытной области вообще ничего нет. Поэтому-то мы всякий раз и поражаемся, когда нечто, прежде неизвестное, внезапно всплывает из кажущегося Ничто. После этого, разумеется, придет психолог и расскажет, что все это произошло по тем или иным причинам. Однако кто бы мог это сказать наперед?

Мы именуем бессознательное как Ничто, в то время как оно — **действительность in potentia**: Мысль, которую мы думаем, дело, которое нами осуществляется, даже судьба, о которой мы будем стенать завтра, уже сегодня имеются в бессознательном. То самое неизвестное, что нам открыл аффект, всегда было тут и, вероятно, раньше или позже предстанет пред сознанием. Посему всегда необходимо считаться с наличностью еще неоткрытого на данный момент. Этим могут быть, как говорится, неизвестные особенности характера. Могут также появиться и грядущие возможности развития, вероятнее всего, в прорыве аффекта, который порой изменяет ситуацию коренным образом. Бессознательное имеет лик Януса: с одной стороны, его содержания указывают назад в предсознательный, доисторический инстинктивный мир, с другой стороны, антиципируется потенциальное будущее, и именно по той причине, что факторы, определяющие судьбу, уже уготованы. Если бы у нас было полное знание о клише, присутствующем исходно и бессознательно в каждом индивиде, то мы сумели бы сделать далеко идущие предсказания о его судьбе.

Когда бы только эти бессознательные тенденции — будь то в форме образов, почерпнутых из минувшего, или в форме предсказаний, заглядывающих в будущее — не появлялись в сновидениях, они всегда понимались (на протяжении всех предшествующих тысячелетий) вовсе не как исторические регрессии, а, напротив, как антиципации будущего — и по праву. Ведь все, что будет, происходит на основе того, что было, и след чего (сознательный или бессознательный) все еще и неизменно имеется в воспоминании. Поскольку никакой человек не рождается тотально новым созданием, но всегда повторяет пройденные и достигнутые ступени развития, то содержит всякий из нас — бессознательно как априорную возможность — целую психическую структуру, которая развивалась постепенно в ряду его предков по восходящей или нисходящей линии. Этот факт придает

характерный "исторический" аспект нашему бессознательному и одновременно является *conditio sine qua* поп определенной оформленности нашего будущего. Именно по этой причине часто трудно решить, как следует объяснять некоторые автономные выражения бессознательного — главным образом как **эффект** (и тем самым исторически) или как **цель** (и тем самым финально или антиципирующе). Сознание, как правило, думает без учета анцестральных предобусловленностей и без просчета влияния этого Априори на устройство судьбы. В то время как мы думаем в масштабе лет, бессознательное думает и живет в масштабе тысячелетий. Если же происходит нечто, что мы величаем неслыханно новым, то по большей части это оказывается давнишней историей. Мы, словно дети, всегда забываем, что было вчера. Мы все еще живем в удивительно новом мире, в котором человек мнит себя поразительно новым и "современным". Подобное состояние есть недвусмысленное свидетельство юности человеческого сознания, которое еще не понимает своей предуготовленности.

Скорее "нормальный человек", чем душевнобольной, убеждает меня в автономии бессознательного. Психиатрическая теория за отговорками о действительных или мнимых нарушениях мозга умаляет важность бессознательного. Однако подобное воззрение абсолютно допустимо, если речь идет о нормальном человечестве. То, что человек видит в качестве происходящего в мире, есть не "расплывчатые рудименты только сознательной активности", а выражения всегда и постоянно наличествующей живой душевной предобусловленности. Если бы это было не так, то мы могли бы с полным правом удивляться. Однако именно те, кто менее всего признает автономию бессознательного, поражаются более всего. Тенденция нашего сознания по небрежению бессознательным понятна и легко объяснима юностью и уязвимостью этого самого сознания; ведь точно так же нельзя, чтобы юноша был слишком глубоко потрясен величием своих родителей, если он намеревается взяться за что-то самостоятельно. Наше сознание развилось и вышло — как исторически, так и индивидуально — из темноты и сумерек изначальной бессознательности. Посему имеются психические процессы и функции, которые были задолго до того, как наличествовало Я-сознание. "Иметь мысли" — существовало прежде, чем человек сказал: "Я осознаю себя думающим".

Изначальные "опасности души" — это, главным образом, угрозы сознанию. Ослепления, околдование, потеря души, одержимость и т. д. суть явные феномены диссоциации и подавления сознания бессознательными содержаниями. Даже цивилизованный человек еще далеко не освобожден от мрака правремен. Бессознательное — мать сознания. Там, где есть мать, есть и отец. Но он, кажется, остается неизвестным. Сознание — это то самое юное существо, оно может даже отречься от своего отца, но никак не от матери. Это было бы уж совсем неестественным, достаточно взглянуть на ребенка: как нерешительно и медленно развивается его Я-сознание из обрывочного осознания отдельных моментов, сколь постепенно появляется этот островок, всплывая из полнейшего мрака сплошной инстинктивности.

Сознание ведет свой род от бессознательной психики, которая старше сознания и которая функционирует в последующем либо вместе с сознанием, либо вопреки ему. Хотя и не счесть тех случаев, когда сознательные содержания вновь становятся бессознательными (к примеру, при вытеснении), все же бессознательное как цельность представляет собой далеко не останки сознания. (Разве психические функции у животных суть рудименты сознания?)

Как я уже упомянул выше, навряд ли есть надежда отыскать в бессознательном порядок, эквивалентный порядку Я-сознания. Совсем не похоже, что мы стоим на пути открытия бессознательной Я-личности, чего-то вроде пифагорейского "антимира". Все же нельзя упускать из виду тот факт, что как сознание брезжит и восходит из бессознательного, точно так же Я-центр исходит из этой же темной бездны, в которой он пребывал в бытность своего существования *in potentia*. Как человеческая мать может породить только человеческое дитя, собственная природа которого была сокрыта во время его

потенциального бытия в ней, точно так же мы едва ли не вынуждены поверить, что бессознательное не может быть исключительно хаотическим нагромождением инстинктов и образов. Что-то ведь должно держать все это вместе и создавать впечатление цельности. Ее центром, разумеется, не может быть Я, так как Я было порождено и живет в сознании и так как оно отворачивается от бессознательного, исключая его из своего обращения, насколько это возможно. Или почему бы не допустить, что бессознательное потеряло свой центр самым фактом рождения Я? Если бы это было так, то мы могли бы, вероятно, ожидать, что Я сильно превосходит бессознательное по влиянию и по значению. Тогда бессознательное кротко ступало бы по пятам за сознанием. И это было бы как раз то, чего мы желаем.

К несчастью, факты свидетельствуют о прямо противоположном: сознание слишком легко подвергается бессознательным влияниям, и последние зачастую оказываются правильнее и умнее, чем сознательное мышление. Нередко бессознательные мотивы берут верх над сознательными решениями и именно тогда, когда речь заходит о самых главных жизненных вопросах. Индивидуальная судьба всемерно зависит от бессознательных факторов. Точная проверка свидетельствует, сколь сильно сознательные решения зависят от бесперебойного функционирования памяти. Но сама память часто страдает от того, что в нее вмешиваются в виде помех бессознательные содержания. Помимо этого функционирует все, как правило, автоматически. Обычно используются мосты ассоциаций, но часто к ним прибегают столь необычным образом, что становится необходимой повторная и обстоятельная перепроверка всего процесса репродукции, если есть желание дознаться, как же некоторые воспоминания угораздило достичь сознания. И нередко эти мосты остаются необнаруженными. В подобных случаях невозможно предъявить доказательства деятельности собственно бессознательного. Другим примером является интуиция, которая покоится главным образом на бессознательных процессах очень сложной природы. Поэтому я определяю интуицию — из-за этого ее своеобразия — как "восприятие *via* бессознательное".

В случае нормы совместная работа бессознательного и сознания протекает без трений и сбоев, так что можно попросту не заметить существование бессознательного. Когда же индивид или некая социальная группа чересчур сильно отклоняются от инстинктивных основ, тогда вся мощь бессознательных сил узнается сполна. Бессознательное сотрудничает с сознанием разумно и целенаправленно; и даже в том случае, когда оно ведет себя по отношению к сознанию антагонистично, манера его выражения все же остается интеллигентной и компенсаторной, как если бы оно пыталось восстановить нарушенное равновесие.

Бывают сновидения и видения, столь взвешенные и продуманные, что некоторые люди отказываются признать бессознательную психику в качестве их источника. Они скорее допустят, что эти явления имеют своим источником что-то вроде "сверхсознания". Подобные люди делают различие между бессознательным (физиологическим и инстинктивным) и некой сферой или слоем сознания "поверх" сознания, называемым "сверхсознанием". В действительности эта самая психика, которая в индийской философии называлась "возвышенным" сознанием, соответствует тому, что на Западе называется "бессознательным". И все же существует целый ряд наблюдений, которые едва ли говорят в пользу того, что сознание находится в бессознательном, к примеру, определенные сновидения, видения и мистические опыты. Если же мы допускаем возможность того, что сознание находится в бессознательном, то мы тотчас оказываемся перед фактом, что никакое сознание не может существовать без субъекта, т. е. без Я, с которым собственно сопряжены все содержания. Сознанию нужен центр, т. е. Я, которым что-то осознается. Нам неведомо ни о каком другом виде сознания, и мы даже не можем себе представить сознание без Я. Не может быть сознания, если нельзя сказать: "Я это осознаю".

Я не вижу никакой пользы от спекуляций касательно тех вещей, о которых мы не можем ничего знать. Поэтому я воздерживаюсь от того, чтобы выдвигать утверждения, выходящие за пределы науки. На мой взгляд представляете невозможным обнаружить в

бессознательном что-то вроде личности, сопоставимой нашим Я. Хотя "второе Я" и не обнаружено (помимо редких случаев раздвоенной личности), все же манифестации бессознательного свидетельствуют по меньшей мере о **следах личностей**. Простой тому пример — сновидение, в котором ряд действительных или воображаемых лиц представляют мысли сновидения. Почти при всех серьезных диссоциациях манифестации бессознательного перенимают личностный характер и сильно смахивают на него. Однако тщательная проверка поведения и духовных содержаний подобных персонификаций свидетельствует об их фрагментарном характере. Кажется, что они представляют комплексы, которые откололись от какой-то глобальной целостности, и что именно они являются всем, а не личностный центр бессознательного.

Всякий раз я бываю потрясен личностным характером диссоциированных фрагментов. Поэтому я часто и задаю себе вопрос: а, может быть, правильнее было бы допустить, что (ежели такие фрагменты имеют личность) то целое, от которого они отщепились, могло бы совершенно правомерно притязать на статус личностного? Этот ход мыслей и заключения кажутся логичными, так как здесь не поднимается вопрос, сколь большими или малыми являются эти фрагменты. Почему бы тогда этому целому не обладать личностью? **Личность вовсе не предполагает (в качестве чего-то необходимого) сознание. Ведь может же она спать и видеть сновидения.**

Самый общий аспект бессознательных манифестаций, в сущности, — хаотический и иррациональный, несмотря на некоторые симптомы интеллигентности и преднамеренности. Бессознательное порождает сновидения, фантазии, видения, эмоции, гротескные идеи и многое другое. Это как раз то, чего, вероятно, и ожидает всякий, видящий сны. Кажется, будто есть личность, которая никогда не бодрствовала и не осознавала проживаемую жизнь и собственную континуальность. Теперь спрашивается, возможна ли гипотеза о такой спящей и сокровенной личности? А, может быть, все личностноподобное, что мы можем отыскать в бессознательном, содержится в упомянутых только что персонификациях. Так как это очень даже возможно, то все мои догадки были, скорее всего, бесцельными; видимо, есть доказательство того, что встречаются куда менее фрагментарные, т. е. более совершенные, хотя и сокровенные личности.

Я убежден, что подобные доказательства существуют. К сожалению, подобного рода доказательный материал относится к тонкостям психологического анализа. Поэтому растолковать все это просто и убедительно — отнюдь не легкая задача.

Я хочу начать с краткой констатации: в бессознательном каждого мужчины скрыта женская личность, а в бессознательном каждой женщины — мужская личность.

Хорошо известно, что пол определяется численным преобладанием мужских или женских генов. Однако гены противоположного пола, находящиеся в меньшинстве, не погибают. Посему мужчины содержит в себе половину, которую можно охарактеризовать как женскую, т. е. сам мужчина имеет бессознательный женский облик, однако не осознает этого ни на йоту. Я исхожу также из того, что известно мое обозначение этого облика как Анимы. Чтобы не повторять давным-давно известное, сошлюсь на литературу¹. Этот облик часто выступает в сновидениях, где *in vivo* можно наблюдать все атрибуты, которые я выделил в своих прежних публикациях.

1 [Jung]. "Psychologische Typen". Definition s.v. "Seele". [Jung]. "Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten. Zweiter Teil. Kap". 2. [Jung]. "Psychologie und Alchemie Zweiter Teil". [Jung]. "Über den Archetypen mit besonderer Berücksichtigung des Animabegriffes".

Другой, не менее важный и хорошо поддающийся дефиниции облик, — это фигура Тени, которая так же появляется в сновидениях либо в виде проекции на подходящих людей, либо в виде самых разнообразных персонификаций. Тень совпадает с "личным" бессознательным (которое соответствует понятию бессознательного у Фрейда). Как и Анима, этот облик также претерпел многократное обращение к себе и изображение у поэтов и художников. Напомню о связи Фауста-Мефистофеля, а также гофмановского "Elixiers des

Teufels", если упомянуть только два, особо типичных описания. Фигура Тени персонифицирует все, что субъект не признает и что ему все же постоянно — прямо или косвенно — навязывается (к примеру, недостойные черты характера и прочие несовместимые тенденции). Помимо этого я должен сослаться на литературу¹.

1 Tot Wollf. "Einführung in die Grundlagen der Komplexen Psychologie". Jung. "Über der Archetypen des kollektiven Unbewussten".

Тот факт, что само бессознательное персонифицирует в сновидениях определенные, аффективно подчеркнутые содержания, лежит в основе того, почему моя терминология, которая предназначена для практического применения, заимствует персонифицированные формы и использует для формулировок имена собственные.

Помимо этих двух, упомянутых уже фигур существуют также и некоторые другие, не столь частые и менее впечатляющие; однако они тоже претерпели как поэтическое, так и мифологическое оформление. Например, назову образ героя² и образ "старого мудреца"³, если опять же назвать два самых известных.

2 Cp. [Jung] "Symbole der Wandlung".³ [Jung] "Zur Phänomenologie des Geistes im Märchen".

Все эти образы появляются в сознании совершенно автономно, коль скоро речь идет о патологических состояниях. Касательно Анимы я хотел бы привлечь особое внимание к случаю Нелькена¹. Крайне примечательно, что эти характеры имеют поразительнейшие соответствия с поэтическими, религиозными и мифологическими описаниями, при том, что подобные связи, по-видимому, никогда не удавалось обнаружить в реальности. Это означает, что они суть спонтанные образования по аналогии. Один такой случай стал даже поводом к обвинению в плагиате: французский писатель Пьер Бенуа набросал описание Анимы и ее классического мифа в своей "Atlantide", и это составляло точную параллель с "She" Райдер Хаггарда. Процесс завершился безрезультатно, т. е. Бенуа не знал "She". (В случае, подобном этому, речь, конечно же, могла идти об обмане, вызванном криптомнезией, что нередко удаётся исключить с величайшим трудом.) Явный "исторический" аспект Анимы, а также ее компрессия с сестрой, матерью, женой и дочерью вкупе с относящимся сюда мотивом инцеста имеется и у Гете ("Ах, ты была в былые времена моей сестрой и моей женой"²), а также в фигуре Анимы как *regina* или *femina alba* в алхимии. У английского алхимика Иереня Филалета, писавшего около 1645 года, имеется замечание, что "королева была королю сестрой, матерью и женой". (Комментарий к "De decem portis" сэра Джорджа Рипли, который появился на немецком языке в 1741 г., был, вероятно, известен Гете.) Та же самая идея, только очень сильно разукрашенная, имеется у пациента Нелькена и в целом ряде случаев, которые были предметом моих наблюдений, и здесь я могу с уверенностью исключить какое-либо литературное влияние. Впрочем, Анима-комплекс относится к древнейшему достоянию латинской алхимии³.

1 Nelken, 1 c.

2 В стихотворении "An Frau von Stein".

3 Cp. известное "Visio Arislei" (Artis auriferae II. P. 246 ff.), которое имеется в ясном переводе (Ruska. Die Vision des Arisleus. S. 22 ff.).

Если эти архетипические личности и их поведение изучать тщательно и досконально⁴, имея под рукой сновидения, фантазии и бредовые идеи пациентов, то создается глубокое впечатление от отношений этих личностей (сколь пространных, столь и непосредственных) с мифологическими представлениями, которые уже давным-давно затерялись в памяти у дилетантов. Эти представления образуют своего рода примечательный душевный склад, который обычно хотят наделять Я-сознанием; представляется, однако, что они вряд ли к тому пригодны. Данная идея так и не нашла никакого фактологического подтверждения. Ничто в их поведении не говорит в пользу Я-сознания, такого, каким мы его знаем. Напротив, они выказывают признак фрагментарных личностей, — замаскированных, призрачных, беспроblemных, лишенных самораздумий и конфликтов, без сомнений, без страданий; вероятно, как боги, которые не имеют никакой философии, что-то вроде богов

Брахмы из Наракы сансары, ошибочные воззрения которых надобны для побуждения Будды. Однако в отличие от прочих содержаний они всегда остаются чужаками в мире сознания. Потому-то они — непрошенные пролазы, ведь они пропитывают всю атмосферу ощущением зловещего предчувствия и даже страхом перед наступлением духовного расстройств.

4Пример метода в: Psychologie und Alchemie. Zweiter Teil.

При исследовании этих содержаний, т. е. материала фантазий, который составляет их феноменологию, можно найти неисчислимые архаические и "исторические" взаимосвязи, т. е. образы архетипической природы¹. Эти своеобразные факты позволяют сделать выводы касательно "локализации" Анимы и Анимуса внутри психической структуры: они живут и функционируют, очевидно, в глубоких слоях бессознательного, а именно в том филогенетическом глубоком слое, который я обозначил как коллективное бессознательное. Эта локализация объясняет во многом их чужеродность: они приносят в эфемерное сознание неизвестную психическую жизнь, которая принадлежит далекому прошлому. Это дух наших неизвестных предков: их способ думать и чувствовать, их способ познавать жизнь и мир, богов и человека. Факт наличия этих архаических слоев является предположительно корнем веры в реинкарнацию и возможность воспоминаний "прошлых существований". Как тело представляет собой что-то вроде музея своей филогенетической истории, так и психическое. У нас нет никаких оснований для предположения, будто особая структура психики есть нечто единственное и уникальное в мире, где нельзя было бы указать никакой истории, выходящей за рамки индивидуальных манифестаций. Даже нашему сознанию нельзя отказать в истории, которая охватывает примерно пять тысячелетий. Лишь Я-сознание неизменно и всегда имеет новое начало и скорую кончину. Бессознательная же психика не только бесконечно стара, но она может даже прорасти в далекое будущее. Она формирует *species humana* и образует его составную часть, так же как тело, которое индивидуально преходяще и бренно, однако коллективный возраст его не поддается измерению.

1В моей книге *Symbole der Wandlung* я описал случай молодой женщины с "героической историей", т. е. с Анимус-фантазией, которая дала богатый урожай мифологических материалов. Райдер Хаггард, Бенуа и Гете (в "Фаусте" подчеркивали исторический характер Анимы.

Анима и Анимус живут в мире, совершенно отличном от внешнего, где пульс времени стучит бесконечно медленно, где рождение и смерть индивида не идут в счет. Неудивительно, что их сущность чужеродна и столь чужда, что их вторжение в сознание часто равнозначно психозу. Несомненно, Анима и Анимус относятся к тому материалу, который выходит на свет божий при шизофрении.

То, что я сказал о коллективном бессознательном, более или менее достаточно для того, чтобы понять, что я имею в виду под этим выражением. Если же мы теперь вернемся к проблеме индивидуации, то увидим, что перед нами встала совершенно невероятная задача: психика состоит из двух неконгруэнтных половин, которые вместе, видимо, образуют нечто целое. Обычно мы склонны думать, что Я-сознание способно ассимилировать бессознательное, и мы, по крайней мере, надеемся, что такое решение возможно. Но, к несчастью, бессознательное действительно является не-сознаваемым, т. е. его нельзя познать. И как можно ассимилировать что-то неизвестное? Даже если бы мы сумели составить себе достаточно полное представление об Аниме и прочих фигурах, то все равно не проникли бы в глубины бессознательного. Обычно надеются обуздать бессознательное, однако такие мастера укрощения, как йоги, достигают совершенства самадхи в состоянии экстаза, которое, насколько мы знаем, соответствует состоянию бессознательного. Дело не в том, что они называют наше бессознательное "универсальным сознанием"; факт тот, что в случае йоги бессознательное проглатывает Я-сознание. Они даже не могут вообразить себе, что "универсальное сознание" есть *contradictio in adjecto*, и что исключение, выбор и различие суть корень и сущность всего того, что может притязать на имя "сознания". "Универсальное сознание" же, рассмотренное логически, идентично бессознательному.

Однако верно и то, что тщательное исполнение практики йоги и чтение сутр приводят к потрясающему расширению сознания. Но содержания сознания по мере его расширения теряют ясность в чем-то единичном. В конце концов сознание становится всеохватывающим, но одновременно и сумеречным; бесконечное число вещей вливается тогда в расплывчатую целостность, которая граничит с полной идентичностью субъективных и объективных данностей. Все это очень хорошо, но едва ли может быть рекомендовано тем религиям, которые расположены севернее поворотного круга рака.

Это причина того, почему мы должны избрать для себя иное решение. Мы верим в Я-сознание и в то, что мы называем действительностью. Действительность нордического климата где-то так убедительна, что мы чувствуем себя значительно лучше, если о ней не забываем. Для нас есть все резоны заниматься этой действительностью. Поэтому-то европейское Я-сознание и склоняется к тому, чтобы проглотить бессознательное, и ежели это оказывается невыполнимым, то по крайней мере мы пытаемся его подавить. Если бы мы что-то смыслили в бессознательном, то знали бы, что его нельзя проглотить. Известно также, что и не следует в конечном счете его подавлять, — ведь мы познали, что бессознательное есть жизнь и что эта жизнь обратится против нас же, если ее будут подавлять, как это бывает в случае неврозов.

Сознание и бессознательное не составляют никакой цельности, если одно подавляет или причиняет вред другому. Если же они должны друг друга одолевать, то пусть, по крайней мере, это будет честная борьба, в которой обе стороны имеют равные права. Обе они — аспекты жизни. Сознание должно защищать свой разум и свои возможности самоограждения, но и хаотичная жизнь бессознательного также должна иметь возможность следовать своему собственному характеру в той мере, в какой мы можем его выносить. Это означает открытую борьбу и открытое сотрудничество. Так, вероятно, должна выглядеть человеческая жизнь. Это старая-престарая игра молота и наковальни. Страдающее железо, оказавшееся между ними, закаляется и выковывается в нерушимую цельность, а именно в "индивида".

Это примерно то, что я называю "процессом индивидуации". Как уже показывает название, речь идет о процессе или ходе развития, который проистекает из конфликта двух фундаментальных фактов жизни души. Проблематику этого конфликта я изложил в сочинении "Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten", по крайней мере, в основных чертах. Однако совершенно особым разделом является символика этого процесса, которая чрезвычайно важна (как практически, так и теоретически) для познания того, как же в дальнейшем будет протекать разбирательство между сознанием и бессознательным. Мои исследования последних лет были посвящены, главным образом, этой теме. К моему собственному величайшему удивлению, я обнаружил, что формирование символов имеет самое прямое отношение к алхимическим представлениям, особенно к представлениям об "объединяющем символе"¹, в этом направлении были получены весьма знаменательные параллели. Конечно, речь здесь идет о тех процессах, которые не имеют никакого значения на начальных стадиях лечения. В более сложных случаях (как, например, в случае застревающего переноса) происходит разработка этих символов. Их познание имеет неоценимое значение для лечения подобных случаев, особенно когда речь идет об образованных пациентах.

¹Psychologische Typen. Definition s.v "Symbol" und Kp. V, 3, b [Pararg. 349 ff.].

Нельзя дать рецепта с прописью того, как следует приступать к гармонизации сознательных и бессознательных данных. Речь тут идет об иррациональном процессе жизни, который выражает себя в определенных символах. Вероятно, задача врача — всячески содействовать этому течению. В этом случае значение символов представляется неизбежным, так как именно в них осуществляется объединение сознательных и бессознательных содержаний. Из их объединения получают новые ситуации или новые положения сознания. Поэтому для обозначения этого объединения противоположностей я использовал название "трансцендентной функции"¹. Именно в таком усовершенствовании

личности и в формировании ее в целостность состоит цель психотерапии, которая притязает на то, чтобы стать не только врачеванием симптомов.

1Psychologische Typen. Definition s.v "Transzendente Funktion" и Ges. Werke VIII. Abhandlung II.

С любовью,
электронная библиотека

Theosophy-Books.org

